

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез
Сделка с дьяволом

«Автор»

2026

Суарез С.

Сделка с дьяволом / С. Суарез — «Автор», 2026

Она поцеловала его сама. Вкус вина на его губах, тепло его дыхания, лёгкая щетина, царапающая подбородок. Анжела запустила пальцы в его волосы, притягивая ближе, и мир сузился до этой кухни, до этого мужчины, до этого момента. Он ответил мгновенно — жадно, глубоко, прижимая её к барной стойке. Она почувствовала, как его пальцы скользнули под свитер, коснулись голой кожи — и по позвоночнику пробежала дрожь, отозвавшаяся где-то внизу живота. А потом она услышала звук. Лязг шин по гравии. Резкий, агрессивный, чужеродный. Артур оторвался от неё за долю секунды до того, как ночь взорвалась. Фиктивный брак. Мой «муж» — акула криминального мира, человек, для которого закон лишь инструмент. Он привык побеждать в суде и в постели. Но он не учёл одного: я тоже умею играть без правил, и мой любимый аргумент — чугунная сковорода.

Содержание

Глава 1. Пончик как взятка	5
Глава 2. Пункт 4.2: «Внешний вид должен соответствовать статусу»	8
Глава 3. Размер имеет значение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сесилия Суарез

Сделка с дьяволом

Глава 1. Пончик как взятка

Лифт в башне «Федерация» поднимался слишком медленно. Анжела переминалась с ноги на ногу в тесной кабине, прижимая к груди термосумку с логотипом «Доставка №1». Внутри остывали два стаканчика лавандового рафа и коробка с дюжиной пончиков в розовой глазури. Заказ для какой-то юридической конторы с пометкой «СРОЧНО, ОЧЕНЬ ЖДЁМ». Чаевые обещали хорошие, а Анжеле позарез нужно было заплатить за съёмную квартиру до конца недели.

На двадцать четвёртом этаже двери разъехались с мелодичным звоном. Анжела шагнула в коридор, выложенный серым мрамором, и сразу поняла — что-то не так. Слишком тихо. Слишком пусто. Никаких табличек с номерами офисов, только панорамные окна во всю стену и приглушённый свет.

— Чёрт, кажется, не тот этаж, — пробормотала она, разворачиваясь обратно к лифту, но тут замерла.

За стеклянной перегородкой, отделявшей коридор от просторного холла, стояли двое. Одного она узнала сразу — судья Воронин, чьё лицо не слезало с новостных каналов последние три недели из-за громкого процесса над наркокартелем. Второй был незнаком. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем тёмно-сером костюме без галстука. Чёрные волосы с проседью на висках зачесаны назад, открывая волевое лицо с острыми скулами. Он стоял к ней вполоборота, но даже так Анжела ощутила исходящую от него волну опасности — такую плотную, что воздух в коридоре сгустился.

Судья Воронин нервно оглянулся и взял из рук незнакомца толстый жёлтый конверт. Сунул его во внутренний карман пальто и быстрым шагом направился к дальнему выходу.

Анжела присосла к полу. Мозг лихорадочно прокручивал варианты: притвориться статуей? Спрятаться за кадкой с фикусом? Просто закрыть глаза и представить, что её здесь нет?

Она выбрала четвёртый вариант — медленно, на цыпочках, попятиться к лифту. Кроссовки бесшумно ступали по мрамору. Три шага. Пять. Почти получилось.

А потом сумка с термосом предательски звякнула карабином о мраморную стену.

Незнакомец повернул голову. Движение было плавным, почти ленивым, но взгляд светло-серых глаз впился в неё с точностью лазерного прицела. Анжела почувствовала, как по спине побежали мурашки размером с горошину.

— Вот дерьмо, — выдохнула она и рванула к лифту.

Бежала она отвратительно. Сумка била по бёдрам, волосы выбились из пучка, а кроссовки скользили по полированному полу. Сзади раздались тяжёлые шаги — не одного человека, а минимум двоих. Анжела даже не успела добежать до спасительных дверей лифта, как её перехватили.

Двое верзил в одинаковых чёрных костюмах выросли будто из-под земли. Один заломил ей руки за спину — не больно, но крепко, как стальным обручем. Второй перекрыл путь к лифту. Анжела дёрнулась, лягнула одного по голени, но тот даже не поморщился.

— Эй! У меня заказ на двадцать седьмой! Люди ждут кофе! — возмутилась она, пытаясь вывернуться. — Вы вообще знаете, сколько стоит лавандовый раф в этом городе?

Верзилы молчали. Зато шаги позади стихли. Анжела услышала, как открылись двери лифта, а затем низкий, обволакивающий голос произнёс:

— Отпустите.

Руки мгновенно освободили. Анжела пошатнулась, поправила сумку и обернулась.

Он стоял в дверях лифта, засунув одну руку в карман брюк. Вблизи он оказался ещё более пугающим. Глаза цвета грозового неба, тонкий шрам на левой скуле, который только добавлял ему хищной привлекательности. От него пахло дорогим табаком и чем-то древесным — запах власти и денег.

— Заходи, — сказал он, кивнув внутрь кабины.

Анжела перевела взгляд на верзил. Те стояли по стойке смирно, глядя куда-то в потолок.

— А они? — пискнула она.

— А они пойдут пешком. Лестница полезна для здоровья.

Он произнёс это с такой убийственной серьёзностью, что Анжела невольно хмыкнула. Страх начал понемногу отступать, уступая место какому-то истерическому веселью. Она вошла в лифт. Двери закрылись, отрезая их от внешнего мира.

Кабина поплыла вниз. Анжела прижалась спиной к зеркальной стене, сжимая сумку как щит. Незнакомец стоял напротив, загораживая собой панель с кнопками. Он не двигался, просто смотрел — изучающе, с лёгкой усмешкой в уголках губ.

— Что ты видела? — спросил он тихо. Так тихо, что пришлось напрячь слух.

Анжела моргнула. В голове щёлкнул тумблер «режим выживания». Она растянула губы в самой глупой улыбке, на которую была способна, и захлопала ресницами.

— Видела? Ой, вы про того дяденьку в пальто? Я вообще плохо вижу без линз, а сегодня как раз забыла их надеть. Всё как в тумане. Думала, это уборщик. У вас тут очень чисто, кстати. Прямо блестит всё.

Он приподнял одну бровь.

— Конверт, — сказал он. — Жёлтый. Ты смотрела прямо на него.

— Конверт? А, этот! Я думала, вы ему рецепт на лекарство передаёте. У него лицо такое... нездоровое. Бледное. И глаза бегают. Может, давление? Или мигрень? Моя бабушка, когда у неё мигрень, тоже такие конверты с рецептами носит, только поменьше.

Анжела несла эту чушь с таким искренним выражением лица, что любой нормальный человек уже бы махнул рукой и отпустил её. Но этот явно не был нормальным.

— Ты курьер? — он кивнул на сумку.

— Ага. Вожу радость людям. Правда, сейчас она уже остывшая радость, — она похлопала по термосумке. — Слушайте, может, разойдёмся миром? Я никому ничего не скажу, честное пионерское. Давайте я вам пончик дам? С розовой глазурью. Очень вкусные. Клиент сказал, лучшие в городе.

Он молчал, но взгляд его чуть потеплел — если можно назвать теплом переход от арктического льда к просто холодной воде.

Анжела, восприняв это как зелёный свет, расстегнула сумку и выудила оттуда коробку. Открыла крышку. По кабине поплыл сладкий ванильный запах.

— Вот. Выбирайте любой. Этот с посыпкой, этот с сердечком. Берите, не стесняйтесь. Взятка пончиком — самая надёжная валюта в этом безумном мире.

Она протянула ему коробку, стараясь не дрожать. Пальцы у неё были ледяные, хотя в лифте стояла духота.

Он медленно опустил взгляд на пончики, потом перевел снова на неё. В его глазах мелькнуло что-то похожее на веселье — мимолётное, как вспышка молнии.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Пончик решает любые конфликты. Это научный факт.

Он хмыкнул. А потом сделал то, от чего у Анжелы пересохло во рту. Взял пончик с сердечком, поднёс к губам и откусил кусочек. Медленно. Чувственно. Его челюсть двигалась с ленивой грацией хищника, а взгляд при этом не отрывался от её лица. Розовая глазурь осталась на его нижней губе, и он слизнул её кончиком языка.

Анжела забыла, как дышать.

— Неплохо, — сказал он, дожёвывая. — Но взятка засчитана не будет.

— Почему? — выдохнула она.

— Потому что ты видела достаточно. И теперь у тебя есть два варианта.

Лифт остановился. Двери открылись в подземный паркинг, залитый холодным неоновым светом.

Он шагнул вперёд, сокращая расстояние между ними до опасного минимума. Анжела упёрлась спиной в зеркало, чувствуя, как тепло его тела проникает сквозь тонкую ткань её форменной футболки.

— Первый вариант, — произнёс он, наклоняясь к самому её уху. Голос вибрировал где-то в районе её позвоночника. — Ты выходишь из этого лифта, и через час тебя находят в Москве-реке с пончиком во рту. Метафорически. Или буквально.

Анжела сглотнула.

— А второй?

Он отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть ей в глаза. Уголки его губ дрогнули в улыбке, от которой у любой нормальной женщины подкосились бы колени. У Анжелы они подкосились, но она удержалась, вцепившись в сумку.

— Второй вариант интереснее. Ты выходишь за меня замуж.

В лифте повисла звенящая тишина. Где-то вдалеке пискнула сигнализация чьей-то машины.

Анжела уставилась на него, пытаясь понять, шутит ли он. Серые глаза смотрели серьёзно. Слишком серьёзно для человека, только что съевшего розовый пончик.

— Замуж? — переспросила она. — За вас? Я даже имени вашего не знаю.

— Артур Багиров, — представился он с лёгким наклоном головы. — Адвокат. И да, за меня. Фиктивно, разумеется. На время громкого процесса. Мне нужен образ примерного семьянина, чтобы присяжные прониклись симпатией. А ты... ты идеально подходишь на роль невесты. Милая, непосредственная, умеешь убедительно врать. И пончики у тебя вкусные.

Он протянул руку и стряхнул крошку с её подбородка. Прикосновение было мимолётным, но кожа вспыхнула, будто он прижёт её сигаретой.

— Так что, — Артур Багиров отступил в паркинг, протягивая ей раскрытую ладонь, — выходишь за меня или предпочитаешь Москву-реку?

Анжела посмотрела на его руку. Широкая ладонь, длинные пальцы, дорогие часы на запястье. Рука человека, который привык брать то, что хочет, и не слышать слова «нет».

Она перевела взгляд на коробку с оставшимися пончиками. На одном из них глазурь треснула, обнажив воздушное тесто. Глупая, нелепая деталь в эпицентре абсурда.

— А медовый месяц будет? — спросила она, и голос почти не дрожал.

Артур улыбнулся — на этот раз по-настоящему, хищно и довольно.

— Будет, девочка моя. Ещё какой.

Она вложила свою ладонь в его. Пальцы Артура сомкнулись вокруг её руки — крепко, властно, окончательно.

Лифт за их спинами закрылся, отрезая путь назад.

В сумке в лифте остывал лавандовый раф, а на двадцать седьмом клиент так и не дождался своих пончиков. Но это уже была не проблема Анжелы.

У неё появилась новая работа. Гораздо более опасная.

И гораздо более захватывающая.

Глава 2. Пункт 4.2: «Внешний вид должен соответствовать статусу»

Кабинет Артура Багирова напоминал операционную — стерильно чистый, залитый холодным светом, с панорамным окном, из которого Москва казалась макетом, собранным чьей-то равнодушной рукой. Анжела сидела в кожаном кресле напротив массивного стола из чёрного дерева и читала договор.

Не пролистывала. Не делала вид, что читает. Именно читала — медленно, шевеля губами на особо сложных юридических формулировках, хмурясь и время от времени возвращаясь на абзац назад.

Артур наблюдал за ней, откинувшись в кресле. Он привык к женщинам, которые подписывали документы не глядя, особенно если в них фигурировали суммы с шестью нулями. Эта же вцепилась в бумаги, как бультерьер в кость.

— Пункт 3.7, — произнесла она, поднимая глаза. Взгляд у неё был не испуганный, а деловой. — Здесь написано: «Сторона-2 обязуется сопровождать Сторону-1 на всех публичных мероприятиях по первому требованию». Что значит «по первому требованию»? Если вы позвоните мне в три часа ночи и скажете, что мы идём на светский раут в «Метрополь», я обязана встать и поехать?

Артур моргнул. Он ожидал вопросов про деньги. Про постель. Про то, «а вдруг вы маньяк». Но не про пункт 3.7.

— Именно это и значит, — ответил он ровно.

— Тогда добавим уточнение: «при условии предварительного уведомления не менее чем за шесть часов». Я не железная. Мне нужно время, чтобы привести себя в порядок.

— Ты торгуешься? — он приподнял бровь.

— Я защищаю свои интересы, — парировала она. — Пункт 5.2: «Сторона-2 не имеет права разглашать информацию о фиктивном характере отношений». А если меня будут пытаться? Ну, гипотетически. Ваши враги, например.

— Если тебя будут пытаться, можешь рассказать всё, — он усмехнулся. — Я всё равно приду за тобой раньше, чем они успеют воспользоваться информацией.

Сказано это было буднично, без пафоса, как само собой разумеющееся. Анжела на секунду замерла, потом снова уткнулась в бумаги, но щёки чуть порозовели.

— Пункт 6.3: «Сторона-2 получает ежемесячное вознаграждение в размере, указанном в Приложении А». Я посмотрела Приложение А. Там сумма. Она... большая. Очень большая.

— Тебя это смущает?

— Меня этостораживает. — Она отложила договор и посмотрела ему прямо в глаза. — Зачем вам это, Артур? На эти деньги можно нанять профессиональную актрису. Или модель. Или вообще кого угодно. Почему я?

Он выдержал её взгляд. В кабинете повисла тишина, нарушаемая только гулом кондиционера.

— Потому что актриса играет роль, — сказал он наконец. — А ты живёшь. Ты не умеешь притворяться так, чтобы это выглядело настоящим. Твоя ложь про пончики была ужасна, но в ней была искренность. Присяжные, журналисты, судьи — они чуют фальшь за километр. А тебя они купят.

Анжела молчала, переваривая.

— Мой клиент, — продолжил Артур, — сидит на скамье подсудимых по обвинению в организации шести убийств. Он лично задушил этих людей. Но на процессе он появляется с женой, двумя детьми и золотистым ретривером. Он гладит собаку, целует жену в лоб и плачет,

когда прокурор зачитывает обвинение. Присяжные видят семьянина. Они не видят человека, который сворачивал шеи, как куриные.

Он подался вперёд, опираясь локтями на стол.

— Мне нужно, чтобы они видели то же самое во мне. Адвокат — циничная тварь, которая продала душу дьяволу. Так обо мне пишут газеты. Но если у этого адвоката есть невеста, которая смотрит на него с обожанием, всё меняется. Он становится человеком. Мужчиной, которого можно простить.

— И эту роль должна сыграть я.

— Не сыграть. Прожить.

Анжела взяла ручку. Покрутила в пальцах. Потом решительно перевернула последнюю страницу и поставила подпись — аккуратную, с завитком на букве «А».

— Когда начинаем? — спросила она.

Артур взял договор, пробежал глазами по подписи. Что-то в его лице изменилось — едва заметно, будто тень удивления скользнула и исчезла.

— Сегодня. Ужин в «Турандот». Будет пресса.

— Мне нужно платье.

— У тебя будет всё.

Он выдвинул ящик стола и достал чёрную карту. Положил на стол перед ней.

— Безлимитная. Внизу ждёт водитель. Вернись к шести.

Анжела взяла карту двумя пальцами, рассматривая, как музейный экспонат.

— А если я куплю что-то не то?

— Купи всё, что считаешь нужным.

Он сказал это с лёгкой небрежностью человека, для которого деньги — просто цифры на экране. Анжела сунула карту в карман джинсов и встала.

— К шести буду, — бросила она и вышла, даже не оглянувшись.

Артур проводил её взглядом. Впервые за долгое время ему стало интересно, что будет дальше.

Совещание с клиентом проходило в том же кабинете часом позже.

Игорь Каменев по кличке «Мясник» сидел напротив, закинув ногу на ногу. Дорогой костюм, аккуратная стрижка, мягкая улыбка. Он выглядел как топ-менеджер нефтяной компании, а не как человек, чьи руки помнили тепло шести шей.

— Значит, фиктивная невеста? — Каменев усмехнулся. — Хороший ход, Багиров. Бабы смягчают образ. Моя Люська на прошлом заседании рыдала так, что прокурор сам ей платок подал.

— Твоя Люська — профессиональная истеричка, — отрезал Артур, листая документы. — Моя — другое.

— И что же в ней такого особенного?

Артур хотел ответить что-то резкое, но тут его телефон завибрировал. Раз. Второй. Третий. Экран засветился уведомлениями от банка.

Списание: 412 000 руб. Ателье Charpurin. Списание: 147 000 руб. Бутик Laga. Списание: 89 500 руб. Обувь Jimmy Choo. Списание: 234 000 руб. Ювелирный Cartier. Списание: 67 300 руб. Парфюмерия Articoli.

Телефон продолжал жужжать, как разъярённый шмель.

Артур замер, глядя на экран. Каменев заглянул через стол и присвистнул.

— Ни хрена себе. Она там весь ЦУМ скупила, что ли?

— Я сказал: «Купи всё, что считаешь нужным», — процедил Артур, чувствуя, как начинает дёргаться веко.

— Ну, мужик, ты сам виноват, — Каменев расхохотался, хлопая себя по колену. — Бабам нельзя говорить «всё». Они это «всё» воспринимают буквально. Слушай, а она реально как жена себя ведёт. Держись за неё. С характером девка.

Телефон пиликнул снова.

Списание: 128 000 руб. Бельё Agent Provocateur.

Каменев заржал в голос. Артур медленно выдохнул и положил телефон экраном вниз.

— Продолжим, — сказал он ледяным тоном.

Но где-то глубоко внутри, под слоем раздражения, шевельнулось что-то ещё. Любопытство. Азарт. Предвкушение.

Особняк Артура Багирова стоял в сосновом лесу на Рублёвке — современная крепость из стекла и бетона, окружённая трёхметровым забором с камерами по периметру.

Когда чёрный «Мерседес» въехал в ворота, Артур, стоявший у окна гостиной, поперхнулся виски.

Из внедорожника выгружали коробки. Много коробок. Три суровых охранника таскали их, как муравьи, а Анжела стояла посреди двора и командовала:

— Эти — в спальню! Эти — в гардеробную! А эти, с косметикой, — в ванную! И осторожнее с коробкой от Cartier, там стекло!

Артур вышел на крыльцо, скрестив руки на груди. Анжела заметила его и помахала рукой, как ни в чём не бывало.

— Что это? — спросил он, обводя рукой процессию.

— Это мой новый гардероб, — ответила она, сияя. — Вы сами сказали: «Купи всё, что посчитаешь нужным». Я посчитала нужным это.

— Я имел в виду одно платье для ужина.

— Пункт 4.2 договора, — она подняла указательный палец. — «Сторона-2 обязуется поддерживать внешний вид, соответствующий статусу Стороны-1». Чтобы соответствовать вашему статусу, мне нужна новая причёска, маникюр, педикюр, домашняя одежда, одежда на выход, духи, косметика, аксессуары и бельё. Никто не поверит, что гениальный адвокат Артур Багиров воспылал страстью к курьеру в трениках с начёсом.

— Ты прочитала договор лучше, чем я его написал.

— Кто-то же должен, — пожалала она плечами и скрылась в доме, оставив его стоять на крыльце в компании ошалевших охранников.

В семь вечера Артур ждал её в гостиной.

Он сменил костюм на тёмно-синий Vioni, побрился и даже плеснул на запястья новый парфюм — сам не понимая, зачем. Обычно перед выходами со спутницами он не нервничал. Но сейчас в груди поселилось странное, забытое чувство. Любопытство? Нетерпение?

Лестница скрипнула.

Он поднял голову и перестал дышать.

Анжела спускалась медленно, придерживаясь за перила. На ней было платье цвета тёмного изумруда — простое, облегающее, с глубоким вырезом на спине, открывающим ровную линию позвоночника. Волосы, обычно собранные в небрежный пучок, теперь лежали мягкими волнами, падая на одно плечо. На шее — тонкая цепочка с крошечным бриллиантом. Губы тронуты помадой оттенка «пыльная роза».

Она была... ослепительна. Не вульгарно, не крикливо. А так, что хотелось смотреть и не отводить глаз.

— Ну как? — спросила она, останавливаясь на последней ступеньке. Голос прозвучал неуверенно, будто она сама не до конца верила в своё отражение.

Артур шагнул к ней. Взял за руку, помогая спуститься. Его пальцы задержались на её запястье на секунду дольше, чем требовали приличия.

— Ты выглядишь... — он запнулся, подбирая слово. — Убедительно.

— Всего лишь убедительно? — уголок её губ дрогнул.

— Очень убедительно, — поправился он, и в его голосе проскользнула хрипотца.

Она отняла руку и прошла к выходу, даже не обернувшись.

— Поехали, жених. У нас ужин.

Артур посмотрел ей вслед — на прямую спину, на плавное покачивание бёдер, обтянутых изумрудным шёлком, — и понял, что этот фиктивный брак может стать самой опасной сделкой в его жизни.

«Турандот» сиял золотом и хрусталём. Один из самых пафосных ресторанов Москвы, где ужинали олигархи, чиновники и те, кто хотел, чтобы их видели. Артур выбрал это место намеренно: здесь всегда дежурили папарацци.

Их столик стоял в центре зала — идеальная мишень для объективов. Анжела села, расправила салфетку на коленях и огляделась с видом человека, который впервые попал в музей.

— Расслабься, — шепнул Артур, наклоняясь к ней. — Мы должны выглядеть влюблёнными.

— Я расслаблена, — ответила она, но пальцы, сжимавшие ножку бокала, побелели.

Он накрыл её ладонь своей. Она вздрогнула, но не отдернула руку.

— Просто доверься мне, — сказал он тихо, глядя ей в глаза. — Я знаю, что делаю.

— Это меня и пугает, — прошептала она в ответ, но улыбнулась.

Это была их первая «игра». И Анжела играла блестяще.

Она смеялась над его шутками — громко, заливисто, так что люди за соседними столиками оборачивались. Артур поморщился и наклонился к ней:

— Можно потише?

— Нельзя, — прошептала она, продолжая сиять улыбкой. — Если я буду смеяться тихо, никто не поверит, что мне весело. Влюблённые женщины смеются громко. Это научный факт.

— Откуда ты знаешь научные факты о влюблённых женщинах?

— Я читала статьи. Готовилась.

Он хмыкнул, но спорить не стал.

Когда принесли десерт — воздушное тирамису в хрустальной креманке, — Анжела вдруг подалась вперёд и сказала:

— Покорми меня.

Артур замер с ложкой в руке.

— Что?

— Покорми меня с ложечки. Влюблённые так делают. Это романтично.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Пункт 3.9 договора: «Стороны обязуются демонстрировать поведение, характерное для романтических отношений».

Она смотрела на него невинными глазами, но в глубине глаз плясали чёртики.

Артур вздохнул, зачерпнул ложкой десерт и поднёс к её губам. Анжела приоткрыла рот, и он медленно, осторожно вложил ложку. Её губы сомкнулись вокруг серебра, ресницы дрогнули. Она смотрела ему прямо в глаза, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у него пересохло в горле.

Она медленно облизала ложку, прежде чем отпустить. Кончик языка мелькнул на мгновение — розовый, влажный.

Артур почувствовал, как по позвоночнику пробежал электрический разряд. Это была игра. Всего лишь игра на публику. Но его тело реагировало так, будто это была самая интимная вещь, которую он когда-либо делал.

— Вкусно, — прошептала Анжела, облизывая губы.

— Я заметил, — ответил он хрипло.

Где-то сбоку щёлкнул затвор камеры. Папарацци сделали своё дело.

На следующее утро Артур сидел за завтраком, просматривая свежую прессу. Анжела спустилась позже — в домашней рубашке, которая доставала ей до середины бедра, с мокрыми после душа волосами. Он заставил себя не смотреть на её голые ноги.

— Твоя фотография в газете, — сказал он, протягивая ей разворот «Московского комсомольца».

Анжела взяла газету. На снимке они сидели в «Турандот»: он кормит её с ложки, она смотрит на него с выражением, которое можно было принять за обожание. Заголовок гласил: «НЕУЖЕЛИ ТА САМАЯ? ГЛАВНЫЙ ХОЛОСТЯК СТОЛИЦЫ ПОПАЛСЯ В СЕТИ ТАИНСТВЕННОЙ БЛОНДИНКИ».

Она изучала фото целую минуту. Потом подняла глаза, и в них горел искренний восторг.

— Я тут красивая, — сказала она.

Артур поперхнулся кофе.

— Что?

— Ну, посмотрите, — она ткнула пальцем в газету. — Ракурс удачный, свет лёг хорошо, подбородок не двоится. И платье сидит идеально. Я на этой фотографии красивая.

Он смотрел на неё, не веря своим ушам. Все женщины, которых он знал, ненавидели свои фотографии в прессе. Они находили недостатки там, где их не было, требовали ретуши, плакали из-за «лишнего сантиметра» на талии. А эта стояла перед ним, босая, в одной рубашке, и искренне радовалась тому, что «подбородок не двоится».

— Ты уникальная женщина, Анжела, — произнёс он медленно.

— Я знаю, — ответила она, откладывая газету. — Что у нас сегодня по плану? Пункт 4.5: «Посещение ювелирного салона для выбора обручальных колец»?

Она смотрела на него с вызовом и улыбкой. И впервые за долгие годы Артур Багиров подумал, что, возможно, проиграет эту игру.

Но проигрыш ещё никогда не казался таким... волнующим.

Она потянулась за чашкой, и рубашка задралась выше, открывая край кружевных трусиков. Артур отвёл взгляд. Медленно. Слишком медленно.

Анжела сделала вид, что не заметила. Но уголки её губ дрогнули в улыбке, которую она спрятала за чашкой.

Игра продолжалась. И ставки росли с каждой секундой.

Глава 3. Размер имеет значение

— Какое кольцо ты хочешь?

Вопрос прозвучал буднично, словно он спрашивал, какую воду она предпочитает — с газом или без. Артур сидел напротив Анжелы за завтраком, просматривая что-то в телефоне, и даже не поднял глаз.

Анжела замерла с тостом в руке. Масло капнуло на тарелку.

— Кольцо?

— Обручальное. Для помолвки. Я иду выбирать.

Она откусила тост, прожевала, потянулась за чаем. Молчание затягивалось. Артур наконец поднял взгляд.

— Ну?

— Мне всё равно, — пожала она плечами. — Но лучше побольше.

— Побольше?

— Ну да. Чем больше бриллиант, тем искреннее чувства. Это всем известно. Если камень скромный — значит, экономит. А если с кулак — значит, любит без памяти.

Она сказала это с таким серьёзным лицом, что Артур не сразу понял, шутит она или нет.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Психология потребителя. Я читала.

— Где ты читаешь такую ерунду?

— В интернете. Там всё пишут.

Он покачал головой, но уголки губ дёрнулись. Кажется, он научился различать, когда Анжела дурачится, а когда нет. Сейчас она дурачилась, но в её глазах мелькало что-то ещё — любопытство, смешанное с азартом.

— Значит, с кулак, — резюмировал он, возвращаясь к телефону.

— Желательно с два, — добавила она и спокойно отпила чай.

Ювелирный бутик Harry Winston на Кутузовском сиял витринами, как пещера Али-Бабы. Артур вошёл без предупреждения, и менеджер — холёный мужчина в идеально сидящем костюме — мгновенно материализовался рядом, источая подобострастие.

— Господин Багиров! Какая честь! Чем могу помочь?

— Обручальное кольцо. Самое крупное, что у вас есть.

Менеджер захлопал глазами, но быстро взял себя в руки.

— Разумеется. Пройдёмте в VIP-зал.

Через пятнадцать минут перед Артуром на чёрном бархате лежали пять колец. Каждое сияло так, что можно было ослепнуть.

Менеджер что-то щебетал про караты, про чистоту, про «инвестиционную привлекательность». Артур не слушал. Он смотрел на кольцо, одиноко лежавшее на чёрном бархате, и мир вокруг сузился до этой сверкающей точки.

Шесть и пятнадцать сотых карата. Цифры ничего не значили, пока он не увидел сам камень. Бриллиант огранки октагон. Восемь граней, ловящих свет и разбивающих его на тысячи острых осколков. Центральный бриллиант сиял так, будто внутри него горел собственный источник света — холодный, белый, неприступный. Он не был похож на те слащавые сердечки, которыми обычно задаривают женщин. Нет. Этот камень был опасным. Таким же опасным, как она.

По бокам, словно два стража, замерли бриллианты поменьше — трапециевидные, хищно вытянутые. Весом чуть больше половины карата на двоих, но в их огранке было что-то архитектурное, строгое. Они не просто дополняли центральный камень — они его защищали. Сжи-

мали с двух сторон, как он сам хотел бы сжимать её — крепко, властно, но с невыносимой нежностью.

Белое золото оправы казалось почти невидимым. Оно не привлекало внимания — оно лишь держало эту смертоносную красоту, позволяя бриллиантам говорить самим за себя. Артур провёл пальцем по стеклу витрины, почти физически ощущая прохладу металла и острые грани камней.

— Это самое большое, — сообщил менеджер, проследив взгляд Артура. — Шесть и две десятых карата.

Он представил, как это кольцо будет смотреться на её тонком пальце. Как свет будет играть на гранях, когда она, споря с ним, начнёт яростно жестикулировать. И он вдруг понял, что хочет видеть именно это кольцо на её пальце — как знак, как клеймо, как доказательство того, что он способен дать ей всё.

— Беру.

— Превосходный выбор! Позвольте предложить также парное обручальное кольцо для церемонии?

— Давайте.

Он выбрал тонкий платиновый ободок с россыпью мелких бриллиантов. А потом его взгляд упал на соседнюю витрину. Там лежал браслет — изящная цепочка из белого золота с крошечными сапфирами, рассыпанными, как звёздная пыль.

— Это тоже заверните.

— Браслет? — менеджер удивился, но спорить не стал. — Отличный выбор. Подарок невесте?

— Просто так, — ответил Артур, расписываясь на чеке с семизначной суммой.

Он сам не знал, зачем купил этот браслет. Просто представил, как сапфиры будут переливаться на её запястье, когда она жестикулирует, рассказывая очередную нелепую историю. И понял, что хочет это увидеть.

Большой театр. «Травиата».

Анжела сидела в ложе, подавшись вперёд, и не отрывала глаз от сцены. На ней было тёмно-синее бархатное платье с открытыми плечами и скромным декольте — элегантно, но не вызывающее. Артур сидел рядом, положив руку на спинку её стула, и смотрел не столько на сцену, сколько на неё.

Он не любил оперу. Слишком много пафоса, слишком много фальшивых эмоций. Но наблюдать за Анжелой оказалось увлекательнее любого спектакля.

Когда Виолетта запела свою предсмертную арию, Анжела всхлипнула. Артур скосил глаза — по её щеке катилась слеза, оставляя чёрную дорожку туши.

— Ты плачешь? — прошептал он.

— Заткнитесь, — прошептала она в ответ, не отрываясь от сцены. — Она умирает. От чохотки. Это трагично.

— Это опера. Все умирают от чохотки или от кинжала. Это условность.

— Вы бессердечное чудовище.

Слёзы текли уже по обеим щекам, размывая тушь, делая её похожей на панду. Артур смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Она плакала по-настоящему. Не для камер, не для публики. Она действительно переживала за какую-то вымышленную куртизанку, умершую полтора века назад.

Он достал платок — белоснежный, с монограммой — и, не думая, осторожно промокнул её щеки. Анжела замерла, на секунду оторвавшись от сцены, и посмотрела на него. В её покрасневших глазах плескалось удивление.

— У вас тушь потекла, — сказал он тихо.

— Спасибо, — прошептала она.

В этот момент снаружи ложи щёлкнул затвор камеры. Папарацци дежурили у театра постоянно, и кто-то из них сумел пробраться на балкон. Анжела, не поворачивая головы, одними губами произнесла:

— Накиньте на меня пиджак.

Артур, не задавая вопросов, снял пиджак и набросил ей на плечи. Она поёжилась, кутаясь в тёплую ткань, пахнущую его парфюмом, и благодарно прижалась к нему плечом. Щелчки камер посыпались градом.

— Отличный кадр, — прошептала она, уткнувшись носом в лацкан. — «Холодный адвокат согревает невесту». Завтра будет на всех обложках.

— Ты думаешь о пиаре даже когда плачешь?

— Я думаю о пиаре всегда. Пункт 3.2 договора.

Он хмыкнул и приобнял её за плечи, притягивая ближе. Она не сопротивлялась.

После театра они поехали в ресторан White Rabbit — тот самый, с панорамным видом на Москву. Здесь не было папарацци: заведение славилось строгим фейс-контролем и уважением к приватности гостей. Можно было расслабиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.